

Михаил Калашников

Елена Калашникова

Михаил Калашников
Елена Калашникова

ТРАЕКТОРИЯ СУДЬБЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К17

*Фотография на обложке **Евгения Аксёнова***

Калашников, Михаил.
К17 Траектория судьбы / М.Т. Калашников, Е.М. Калашникова. – Москва : Издательство АСТ, 2015. – 592 с. – (Интеллектуальные биографии).

ISBN 978-5-17-091593-4

Эту книгу Михаил Калашников написал как третье, дополненное издание, в котором он с неподдельной искренностью впервые рассказывает не только о коллегах-оружейниках, руководителях государства и т.д., но и о своих впечатлениях, о том, что оставило след в его сердце. Попав на войну в возрасте 22 лет и загоревшись идеей создания оружия простого в применении, он к 1947 году смог сконструировать автомат, ставший едва ли не первым символом, по которому жители разных стран до сих пор узнают Россию. Автомат Калашникова состоит на вооружении более 55 армий мира, за все время его существования было произведено около 100 000 000 экземпляров. Воспоминания Михаила Калашникова – это не просто рассказ об открытиях, совершенных на фоне самого трагичного периода в истории России. Это личная история человека, который, будучи сыном простого крестьянина-ссылнопоселенца, благодаря своему таланту и трудолюбию стал выдающимся конструктором.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Литературно-художественное издание

12+

Интеллектуальные биографии

Калашников М.Т., Калашникова Е.М.

ТРАЕКТОРИЯ СУДЬБЫ

Ведущий редактор *Маргарита Гумская*

Корректор *Наталья Аратская*

Технический редактор *Татьяна Тимошина*

Компьютерная верстка *Людмила Быковой*

Подписано в печать 03.07.2015. Формат 70х90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 43,29. Тираж . Заказ № .

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93; 953000 – книги, брошюры

000 «Издательство АСТ». 129085, г. Москва, Звездный бульвар 21, стр. 3 ком. 5.
www.ast.ru

«Баспа Аста» деген ООУ

129085 г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 3 құрылым, 5 бөлме

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru E-mail: astpub@aha.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ.,
Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

ISBN 978-5-17-091593-4

© Калашников М.Т., Калашникова Е.М.
© 000 «Издательство АСТ», 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга выходит в свет накануне моего 85-летнего юбилея. За ее основу взяты мои предыдущие книги: «Записки конструктора-оружейника», «От чужого порога до Спасских ворот», «Я с Вами шел одной дорогой». Кроме того, в нее вошло немало нового материала, подготовленного совместно с моей дочерью Еленой Калашниковой, ставшей моим соавтором, литературным обработчиком и составителем новой книги.

Судьба всех моих предыдущих книг в какой-то мере созвучна с судьбой России последних лет. Вспоминать и делать записи о своей жизни и творчестве я начал еще в середине 1970-х годов. Возможно, это было связано с нарастающим интересом к моей биографии сначала военных журналистов, а затем и гражданских. Я замечал, что каждый раз, рассказывая им о своей жизни, я находил в ней что-то новое, еще не высказанное, но интересное и важное. И после этих встреч я садился за пишущую машинку и вспоминал...

Думаю, любому человеку трудно восстановить в памяти все даты, все имена, все детали событий 10-ти, 20-ти, а то и 70-80-летней давности. Конечно, наша память содержит в своих «кладовых» немало информации, хотя многое и прячет от нас до поры до времени. Но иногда вдруг вспоминается что-либо в таких

подробностях, что удивляешься сам. Тут-то и приходит мысль о том, что надо бы записать это «на всякий случай».

Таким вот образом к концу 1980-х годов у меня накопился довольно объемистый материал, который и лег в основу моей первой книги. Когда я показал написанный мной текст военным журналистам, они предложили его обработать и издать. Работал я над книгой вместе с полковником Михаилом Михайловичем Малыгиным, который делал литературную обработку и редактирование моих записей. Кроме того, полковник Малыгин помог дополнительно собрать некоторый доступный материал из архивов Вооруженных сил и ижевских заводов, а так же из других источников. Я искренне ему благодарен за эту высококвалифицированную помощь. Книга «Записки конструктора-оружейника» действительно получилась интересной, хотя и достаточно сложной для неподготовленного читателя. Кроме того, в нее не вошли мои воспоминания о родителях, о семье. Может быть потому, что не мог я тогда написать всей правды о «раскулачивании» нашей семьи и о моих детских скитаниях – время еще не пришло... С моей точки зрения, эта книга особенно интересна для оружейников и военных. К тому же и вышла-то она в 1992 году именно в Военном издательстве. И я рад был ее публикации, хотя выглядит она достаточно скромно: напечатана на не очень-то хорошей бумаге, с черно-белыми иллюстрациями. Но «Записки конструктора-оружейника» – мой первый литературный «ребенок», родившийся в тяжелое, «перестроечное» время. И, слава Богу, что это стало возможным!..

Над второй книгой «От чужого порога до Спасских ворот» я работал вместе с литературным обработчиком писателем Гарри Немченко и моим помощником-референтом Николаем Николаевичем Шкляевым. Она вышла в 1997 году в издательстве «Военный парад» перед юбилейной датой – 50-летием создания автомата АК-47. Часть материала нами была взята из первой книги (особенность написания автобиографических книг). В новую книгу вошли и неопубликованные страницы моих записей о семье, о детстве, о юности. Впервые был открыт и мой «черный ящик» – включен рассказ о трагической истории высылки раскулаченной многодетной семьи. Но, к сожалению, упущен довольно интересный материал о моих коллегах-оружейниках, о некоторых перипетиях моей творческой жизни – литературный обработчик посчитал этот материал излишним.

Так, две мои автобиографические книги вышли в свет. Совершенно разные книги, как по своему содержанию, так и по стилю и литературному языку. Доволен ли был я ими? Что-то нравилось, а что-то и нет. Они как дети, которые наследуют не только черты своих родителей, но и черты тех, кто их воспитывает... Поэтому я иногда чувствовал, что не совсем моим языком говорится в книге и не всегда правильно выражены мои мысли. Но все это – особенности литературного сотрудничества, его «издержки», которые, увы, неизбежны...

Третья книга вышла в 1999 году к моему 80-летию. Выпустил ее Издательский дом «Вся Россия». Название книги само говорит о ее содержании: «Я с Вами шел одной дорогой». В ней я написал о тех людях, с которыми был связан по работе и по жизни. О руководителях государства, промышленности, заводов. О тех, кто оставил в моей памяти след. О тех, кому благодарен за понимание и поддержку. Я рассказал о них короткими историями из своей жизни, вспоминая то главное, что нас связывало. По-человечески связывало, не официально. Есть в книге и воспоминания о моих поездках в США, о встречах с коллегами-оружейниками Юджином Стоунером, Биллом Рюгером и Узи Галом. Помощниками при написании этой книги были моя дочь Елена Калашникова и мой давний соратник по работе Николай Николаевич Шкляев.

И вот, в конце 2003 года возникла новая идея – создать и опубликовать в некотором роде «книгу-итог». Таковую, которая бы в равной степени рассказала и о моей личной биографии, и о биографии творческой, и о моих взглядах на некоторые события или ситуации. То есть книгу, прочтя которую можно было бы считать, что состоялось знакомство читателя с конструктором стрелкового оружия, дважды Героем Социалистического Труда, генерал-лейтенантом Михаилом Калашниковым. С гражданином Советского Союза и России Михаилом Тимофеевичем Калашниковым. С человеком, прожившим 85 лет в нелегкое и беспокойное время в стране, которая выстояла и победила во Второй мировой войне, в стране, которую не раз разрушали, восстанавливали, перестраивали...

Книга состоит из глав, названных так, чтобы читателю сразу же было ясно, о чем идет речь. Быть может, этот прием не очень литературный, но вполне отражает развитие моей биографии, ее этапы.

Из предыдущих книг мы взяли то, что посчитали важным, сократив или дополнив тексты и увязав хронологически все происходившие события. Ведь сегодня открыты те самые архивы, информацию из которых невозможно было

получить тогда, когда писались мои первые книги. Поэтому, в «старых», казалось бы, темах читатель найдет для себя немало нового.

Рассказывая об истории создания моих первых образцов, мы включили в текст цитаты из книги А.А. Малимона «Отечественные автоматы (записки испытателя-оружейника)», изданной Министерством обороны РФ в Москве в 1999 году. В приведенных цитатах – заключения комиссий по испытаниям и приемке образцов.

Публикуя этот биографический роман, я очень надеюсь на то, что каждый читатель сможет найти в нем что-либо интересное для себя из моей личной жизненной истории, из истории российского стрелкового оружия, из истории нашей страны. Мне же хотелось рассказать потомкам о создании известного российского автомата АК-47, о людях, которые были к этому причастны. В знак уважения к ним, в знак памяти...

Еще раз выражаю свою искреннюю благодарность за помощь, за труд и терпение моему другу и соратнику Николаю Николаевичу Шкляеву и моей дочери Елене.

*М. Калашников
Ижевск, 2004 г.*

ДЕТСТВО

О жизни нашей семьи мне часто писали и рассказывали старшие сестры – Гаша и Нюра. Многого из того, что мне стало известно о наших предках, я не знал. Хорошо, что память моих сестер сохранила подробности тех лет. Я очень благодарен им за помощь в написании этих страниц!

Предки наши жили на северном Кавказе в станице Отрадное. Как вспоминали мои сестры, фамилия прадедов по отцовской линии якобы была не Калашниковы, а Калашник, а во второй половине девятнадцатого века они, добавив окончание «ов», изменили ее на русский манер.

Дед мой, Александр Владимирович Калашников, был единственным сыном в семье сельского учителя. Мой отец, Тимофей Александрович, родившийся в 1883 году, тоже был единственным сыном у Александра Владимировича и Катерины Тимофеевны.

Моя мама, Александра Фроловна, была из многодетной, зажиточной семьи Кавериных, имевших в роду даже священников. Замуж за Тимофея Калашникова она вышла по любви, но вопреки желанию своих родителей – семья моего отца была хотя и работающая, но небогатая.

Поженившись в самом начале двадцатого века, мои родители сразу же стали строить свой дом – обычный для тех мест саманный (турниковый) дом – «мазан-

ку», завели скот. В 1903 году у них родилась первая дочь Рая, в 1905 – вторая, Агафья (Гаша), а в 1907 – сын Виктор. Жизнь молодой семьи была хоть и в согласии да любви, но трудная. Да и не бывает на селе жизни легкой, беззаботной – не будет у крестьянина достатка без мозолей на руках да бессонных ночей!..

Постепенно семья Калашниковых вставала на ноги – крепло хозяйство, росло подворье. У них появилась и своя сельскохозяйственная техника – веялка «Зингер» и молотилка. Отец всегда мечтал о больших урожаях, но пахотной земли у него для этого было маловато...

Время больших перемен в России не обошло стороной и станицу Отрадное. Когда в начале 1910 года пошел слух о раздаче крестьянским семьям земли в далекой Сибири, многие станичники задумались. Ведь тут, на северном Кавказе, земля хоть и плодородная, но наделы маленькие – большую семью не прокормить!

В том же году только из Отрадного уехало несколько десятков семей – искать свое счастье «за тридевять земель» от родных мест.

Решились на великое переселение и Калашниковы: молодая семья и родители моего отца – Александр Владимирович и Катерина Тимофеевна. Конечно, жаль было покинуть родную станицу и навсегда расставаться с многочисленными родственниками, но стали они собираться в дорогу. Дорога предстояла дальняя, и брать с собой нужно только самое ценное, основное: крестьянскую технику, зерно и одежду. Остальное они отдали родным «на хранение» – до той поры, как в Сибири разбогатеют и вернуться домой, в Отрадное. Им тогда очень хотелось в это верить...

Так мои родители с двумя стариками, тремя маленькими детьми – 3,5 и 7 лет от роду – и крестьянским скарбом рискнули отправиться в дальний путь, в новую неизвестную жизнь! Думаю, не просто было решиться на переселение моему отцу Тимофею Александровичу, ведь он, как глава большой семьи, брал на себя все заботы, все волнения, все тревоги. И наверняка за долгое время пути он не спал ночей, задавая себе одни и те же вопросы: «Что за земля там, в Сибири? Плодородна ли она? Можно ли быстро поднять хозяйство на новом месте?» К тому же, в их семье ожидалось рождение четвертого ребенка, а значит и прибавление хлопот...

Мои родители всегда мечтали о большом и крепком крестьянском хозяйстве, о многодетной семье с множеством сынов.

Поэтому они очень надеялись, что на новом месте у них родится мальчик, на которого они получат дополнительный надел пахотной земли. Ведь землю выделяли только на мужские души! Не знаю, сбылись ли тогда их мечты насчет земли, но про сынов знаю точно – сбылись. Правда, значительно позже. А тогда в октябре 1910 года на Алтае у них родилась третья дочь Анна.

Как рассказывала сестра Гаша, до будущего места жительства семья добиралась очень долго, месяца полтора: «Сначала ехали на поездах в «телячьих» вагонах до Ново-Николаевской (Новосибирска), а потом уже до места добрались на конях. Тятя (так мы звали нашего отца), наверно, их купил в Ново-Николаевской...»

Вот так наша семья, покинувшая родные места в поисках лучшей жизни, и оказалась на моей родине в алтайском селе Курья! Почему именно в Курье, сейчас сказать трудно. В тот год многие переселенцы из родной станицы осели именно там. Некоторые из них даже свои дома с Кавказа перевезли!..

Выбрав участок земли для строительства дома на берегу небольшой, быстрой речки Локтевка, родители начали обживать на новом месте: строить дом, подворье, возделывать полученную пахотную землю, выращивать скот. Огород разбили за домом, с выходом на речку: и с поливкой удобно, и дети всегда будут под присмотром. Работали всей семьей с раннего утра и до поздней ночи, стараясь поскорее поднять хозяйство. В семье, наконец-то, один за другим появились долгожданные сыновья – Иван и Андрей.

За многочисленными крестьянскими проблемами и заботами и не заметили Тимофей Александрович и Александра Фроловна, как в 1917 году в Россию пришла революция. Та самая, которая обещала «освободить их от каторжного труда и дать волю, землю и счастье».

Революция – обещала, а крестьянское хозяйство – обязывало! Некогда было Тимофею Александровичу вникать в революционные изменения. Главная забота крестьянина – прокормить семью. А семьи у многих тогда были большие – ведь в то время дети появлялись без особых раскладок и планов, «как Бог даст». Они, конечно, добавляли родителям забот, но и давали надежду на будущее: когда подрастут – работников в хозяйстве будет больше!

Моя мама, Александра Фроловна, родила восемнадцать детей, но из них выжило лишь восемь – две девочки Агафья (Гаша) и Анна (Нюра) и шесть мальчиков – Виктор, Иван, Андрей, Михаил, Василий и Николай. Моя старшая сестра

Рая умерла от тифа в возрасте восьми лет, вскоре после переезда семьи на Алтай. Остальные дети умирали, часто не дожив и до года. Сейчас в это трудно даже поверить, но тогда детская смертность в России была очень высокая.

Помню, как мама, приехавшая в гости к нам в Ижевск, рассказывала о тех временах, о моих детских годах и о себе моим маленьким дочерям. Отвечая на их вопрос, сколько же всего у нее было детей, она принималась считать с помощью пальцев рук, называя каждого ребенка по имени:

– Параня, Гаша, Николай, Виктор, Иван, Нюра, Николай, Иван, Николай, Андрей, Михаил, Василий, Татьяна, Николай...

Девочки удивленно возражали ей:

– Бабушка, ты почему-то назвала двух Иванов и трех Николаев!

Мама с грустью объясняла им:

– Да это потому, что те, первые, умерли!.. Да и ваш-то отец чуть не помер! Миша в детстве был очень слабым, все болезни к нему так и приставали. Благо, в рубашке родился!..

В нашей семье часто вспоминали о моем рождении, говоря: «Наш Миша родился в рубашке... прямо в сених!» Вот так, холодным осенним днем 10 ноября 1919 года, я и пришел в этот мир...

Моя мама всегда жила в постоянных и нескончаемых работах по дому. И в тот день, принеся воду из колодца, она едва успела поставить ведра на привычное место и повесить коромысло на гвоздик, как тут же в сених и произвела на свет мальчика, которого назвали Мишей.

Родился я хилым и очень болезненным ребенком. Как говорили родные, не было такой болезни, которой бы я ни болел. Все детские болезни, буквально одна за другой, а то и сразу несколько, уживались в моем и без того слабом тельце.

Будучи еще совсем маленьким, я чуть было не помер. Настолько тяжело я тогда болел, что наступил момент, когда родители стали сомневаться, дышу ли я? Они поднесли легкое куриное перышко к моему носу, проверяя дыхание. А так как оно даже не шелохнулось, то решили, что жизнь моя остановилась...

Тут же, как часто бывало в деревнях, в нашем доме появился деревенский плотник и, замерив палочкой мой рост, вышел во двор мастерить гробик. И вдруг я начал подавать признаки жизни. Что тут началось! Бабушка бросилась к иконам читать благодарственные молитвы, а радостные родители побежали к плотнику со словами: «Жив! Жив!» Тот же, прекратив стучать топором, даже

выругался в сердцах – не то на меня, не то на родителей, которые не могут определить, жив ли их ребенок?

Этот случай не прошел для меня без последствий. В Курье о нем вспоминали не раз. И мне всегда было очень обидно, если кто-то, рассердившись на меня, вдруг говорил: «Ты уже с детства научился притворяться!»

Еще одна детская болезнь оставила о себе долгую память: когда мне было около пяти лет, заболел я оспой. Все мое тело покрылось мелкой сыпью, не дававшей покоя ни днем, ни ночью. Мне очень хотелось ногтями расчесать, разодрать все эти пузырьки на коже. Родители, пытаясь меня остановить, повторяли: «Если ты будешь чесаться, то станешь таким же рябым, как соседская девочка Соня». А лицо у той Сони мне всегда казалось похожим на терку, которой терли картошку на крахмал для киселя. Зуд же был настолько велик, что иногда я был согласен походить и на Соню... Видя, как я потихоньку ковыряю болячки, родители стали связывать мне руки. И, несмотря на их старания и мои мучения, эта болезнь все-таки оставила свои отметки на моем лице. Уже взрослым юношей я проводил малоэффективные опыты по избавлению от этих немногочисленных следов оспы. Расскажу, как это было.

Во время службы в Армии в 1940 году я был командирован в Москву, где и разыскал институт Красоты (так ли он назывался, не помню). Там мне обещали провести специальный курс лечения по удалению следов, на всю жизнь оставленных этой тяжелой болезнью. Не знаю почему, но я не решился быть пациентом под своей фамилией, а записался как Иванов – благо, что не требовался паспорт. И вот, в очередной раз придя на прием к врачу, я вдруг не среагировал на свой псевдоним: забыл, что Иванов – это я. Меня тут же подвергли тщательному врачебному осмотру: выяснить, нет ли у этого Иванова каких-либо побочных явлений от предыдущего лечения?.. Служба в армии и война не позволили мне тогда провести рекомендованные докторами еще два-три сеанса. Ну, а потом, после войны, время и возраст изменили мое отношение к столь незначительному недостатку моей внешности, и я успокоился.

Вернемся к годам моего детства. Когда был ребенком, много раз слышал, как мама, понизив голос, таинственно говорила соседкам: «Миша должен счастливым вырасти – ведь он родился в рубашке». И добавляла, глядя на лампадку и на иконы в красном углу: «А я берегу ее – храню там!»

После таких разговоров мне всегда хотелось взглянуть на ту рубашку, из-за которой я должен стать счастливым. Но сначала мне надо было ее найти...

И вот однажды, дождавшись редкого момента, когда остался в избе один, я подтащил стол поближе к углу, поставил на него табуретку, залез на нее и снял верхнюю икону. Отчего-то мне казалось, что необыкновенная обнова, которую от меня скрывают, находится именно в ней. Отогнув маленькие гвоздики, я снял у иконы крышку, но ничего особенного за ней, кроме толстой фольги и бумажных цветов, не нашел...

Мое любопытство было сразу же обнаружено, и за первым разочарованием последовало второе – я был наказан отцом изрядной «выволочкой». Он «дал мне ремня», приговаривая: «Теперь-то ты понял, что там?!» А мне было обидно и непонятно – за что отец меня наказывает: за порчу иконы или за злополучную рубашку? Спросить его я так и не осмелился.

Да, много хлопот я доставил своим родителям, много слез пролила моя мама, пока я вырос! Как говорится, со мной пришлось им горя хлебнуть...

Несмотря на то, что рос я болезненным и слабым мальчиком, всегда меня тянуло к ребятам постарше, к ровесникам моих братьев Ивана и Андрея. Я изо всех сил старался не отставать от них, быть с ними на равных во всех их затеях. Это стремление иногда приводило к плохим последствиям...

Помню, было мне всего лет шесть-семь, когда начал я бегать с братьями на замерзшую речку Локтевку. Обычно стоял на берегу и с тайной завистью смотрел на ребят, которые катались на самодельных деревянных коньках, подкованных полоской железа или проволокой. Я тогда мечтал о том времени, когда смогу кататься с ними вместе, скользя по расчищенному ледяному кругу. Возвращаясь с прогулки домой, я всячески уговаривал старшего брата Виктора смастерить мне такой же конек.

И вот, наконец-то, моя мечта сбылась: Виктор сделал конек, и сам прикрепит его веревочкой к моему валенку. Большого счастья невозможно было представить – и я, хромя от непривычки, сразу поспешил к реке, где катались ребята. И как на грех вышел на лед недалеко от нашей проруби! Стоило мне первый раз в жизни оттолкнуться одной ногой и заскользить на другой, как я тут же оказался в воде... Наверняка утонул бы, да спасла шуба старшего брата: распутившись веером, вернее, надувшись, как парашют, она держала меня по пояс в проруби.

Мои братья подняли крик и бросились бежать к дому, чтобы сообщить родителям о случившемся. Я не помню, как меня достали из воды и как принесли домой. Помню только, что в доме сразу же раздели догола и положили на русскую печь – туда, где сушился овес. Тепло, которое набрали зерна, тут же передалось мне, из меня градом начал лить пот. Родители еще долго не разрешали мне выбраться из овса и слезть с печки: боялись, что я могу заболеть чахоткой.

Слава Богу, все обошлось: разогретое зерно сделало свое доброе дело. Я на всю жизнь запомнил целительное тепло разогретого овса и часто вспоминал о нем, когда замерзал в военные годы в танке, потом и в госпитале, а после войны – на рыбалке или охоте. Стоило мне вспомнить теплую гору того овса, как сразу становилось теплей. Хотя бы на душе...

Но вот беда: кататься на коньках я так и не научился. Пробовал, надо сказать, неоднократно, и уже на настоящих коньках и на настоящем ледяном катке – на стадионе, но... нет, и все!

Раз уж заговорил о воде, то надо, пожалуй, рассказать и о «рекорде», который я чуть позже летом установил при нырянии.

Речка Локтевка, протекавшая через наше село, не была широкой и глубокой, но имела множество опасных мест – омутов, которых побаивались даже взрослые. С виду спокойная, она унесла не одну человеческую жизнь, затягивая неосторожных людей в свои коварные ловушки. А потому родители строго наказывали нас держаться подальше от этих мест. Нас же они и пугали, и притягивали!

Многие из нас, пытаясь продемонстрировать свою отчаянную храбрость, старались проплыть около самого омута. Однажды я тоже решил себя показать! И вдруг, оказавшись рядом с легкими завихрениями воды на границе омута, я почувствовал, что меня неудержимо тянет вниз. Как сейчас помню: вместо того чтобы сопротивляться потоку и пытаться вынырнуть из него, я, испугавшись, сжался в комок и начал безвольно опускаться все глубже и глубже на дно. Оказавшись сидящим на корточках на дне, я все сильнее сжимался и глотал воду. Когда с ужасом понял, что тону, в отчаянии открыл глаза и увидел перед собой растущую на дне зелень – она мирно подрагивала и вилась вверх. Трудно сказать, как долго я был в состоянии полного оцепенения. Помню лишь последние проблески сознания – мое детское воображение представило плачущую мать и всех родственников и соседей, плотным кольцом окруживших меня мертвого